

ПЕРВИЧНЫЕ И ВТОРИЧНЫЕ ФУНКЦИИ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ

Пак Виктор Михайлович

Доцент, МГУ им. М.В. Ломоносова

194501012003@mail.ru

PRIMARY AND SECONDARY FUNCTIONS OF SYNTACTIC UNITS IN THE ARABIC LANGUAGE

V. Pak

Summary: The article draws attention to the incompleteness of the theoretical description of Arabic syntax, since it lacks a theoretical substantiation of such a phenomenon as the functioning of identical units from the point of view of the internal structure as communicative units (utterances) and nominative units (components of utterances). To solve this problem, a comparison is made with the situation that has developed in European linguistics, data from the general theory of system research are involved, in particular, the position that the system description of an object covers not only its internal structure (i.e., ways of organizing the elements that make up that or another object), but also its external structure (environment), which, acting on the object, ultimately determines its functional characteristics.

Keywords: Arabic linguistics, Arabic syntax, external structure, internal structure, statement, communicative units.

Аннотация: В статье обращается внимание на незавершенность теоретического описания арабского синтаксиса, поскольку в нем отсутствует теоретическое обоснование такого явления как функционирование одинаковых с точки зрения внутренней структуры единиц в качестве единиц коммуникативных (высказываний) и единиц номинативных (компонентов высказываний). Для решения этой проблемы проводится сопоставление с ситуацией, сложившейся в европейском языкознании, привлекаются данные из общей теории системных исследований, в частности, положение о том, что системное описание объекта охватывает не только его внутреннюю структуру (т.е. способы организации элементов, составляющих тот или иной объект), но также его внешнюю структуру (окружение), которая, воздействуя на объект, определяет в конечном счете его функциональную характеристику.

Ключевые слова: арабское языкознание, арабский синтаксис, внешняя структура, внутренняя структура, высказывание, коммуникативные единицы.

Оснoвы описания синтаксиса литературного арабского языка были заложены средневековой арабской грамматической наукой (далее ТАГ – традиционная арабская грамматика), и эти принципы без существенных изменений сохраняются в современном арабском языкознании и также находят широкое применение в европейской арабистике. В рамках ТАГ были установлены минимальные речевые сегменты, способные выступать в качестве самостоятельных сообщений. Эти сегменты получили название *kalām* (букв. «речь»), их внутренняя структура анализируется в терминах самодостаточных номинативных единиц *kalima* (слово). В частности, было установлено, что *kalām* состоит, как правило, не менее чем из двух *kalima*, характеризующихся определенными грамматическими значениями, указывающими на существование между ними предикативной связи.

Вместе с тем, уже в самом раннем из известных нам грамматических трактатов (8 век) «Книге» Сибавайхи [36] отмечается тот факт, что речевые сегменты, имеющие структуру *kalām*, могут включаться в другой *kalām* в качестве компонентов последнего. В ходе развития ТАГ такие включенные формально предикативные единицы получили особое наименование – *jumla* (букв. «совокупность»). По свидетельству Д.В. Фролова этот термин впер-

вые появляется в трактате ал-Мубаррада «Ал-Муктадаб» (9 век) [30] и получает окончательное закрепление в трактате аз-Заджаджиди «Ал-Джумал» (10 век) [31]. Появление этого термина, как отмечает Д.В. Фролов, «сделало более последовательным употребление термина *kalām*, который стал относиться только к самостоятельным высказываниям» [18, 33].

Дальнейшим результатом эволюции понятия *jumla* явилось, однако его отождествление с понятием *kalām*, что обнаруживается в грамматических трактатах аз-Замахшари (12 век) [32], Ибн Йаиша (13 век) [34], Ибн Хишама (14 век) [33] и у представителей современного арабского языкознания. Так, по определению Ибн Йаиша, «*kalām* для грамматистов есть всякое независимое речевое произведение, передающее смысл, и оно называется *jumla*» [34, 20]. В свою очередь египетский языковед середины XX века А. Хасан указывает, что «если *jumla* становится определением, обстоятельством, т.е. теряет свою самостоятельность, то она не называется ни *jumla*, ни *kalām*» [35, 18].

В европейской арабистике описание синтаксиса строится на основе понятия предложения. Необходимо, однако, отметить, что европейская арабистика при своем возникновении испытывала сильное влияние ТАГ,

так что многие работы европейских арабистов 19 века (С. де Саси [28], К. Каспари [22], У. Райта [29], Х. Эвальда [24], Т. Пальмера [26] представляют собой по сути изложение взглядов арабских грамматистов и интерпретацию основных категорий, выработанных ТАГ, в терминах европейской лингвистики. Отождествляются и такие понятия как *jumla* и предложение, поскольку *jumla* во всех работах европейских арабистов обозначается как предложение.

Вместе с тем, если понятие *jumla* обязательно предполагает наличие предикативной структуры, то понятие предложения, которым оперирует европейская арабистика, учитывает прежде всего функциональный аспект. В ряде арабистических работ (Г. Реккендорф [27], К. Броккельман [20], Б.М. Гранде [5] предложения характеризуются как двусоставные и односоставные, простые и сложные, самостоятельные и придаточные – иными словами, в европейской арабистике под предложением понимается коммуникативная единица, которая может иметь разную внутреннюю структуру, при этом теоретическое освещение получает порождение преимущественно двусоставных предложений, в основе которых лежит бинарная предикативная структура (подлежащее + сказуемое).

Это обстоятельство объясняется в значительной мере тем, что основы, собственно, арабистической теории предложения были заложены языковедами, примыкавшими к младограмматическому направлению в европейском языкознании. Виднейший представитель этого направления Г. Пауль характеризует описание арабского синтаксиса, выполненное Г. Реккендорфом, как подтверждение применимости в отношении семитских языков общих принципов, полученных при изучении индоевропейских языков [11, 143]. Как известно, представители этого направления считали, что в основе акта коммуникации лежит сочетание психологического подлежащего и психологического сказуемого, получающих соответствующее языковое выражение в предложении, структура которого должна отражать в целом структуру психологического суждения, т.е. состоять из грамматического подлежащего и грамматического сказуемого. Раскрывая объективные, имеющие истоки в самом языке причины обоснования бинарности предложения, в частности, с опорой на психологическое суждение, В.В. Виноградов писал: «Именно с этой двучленностью, или двусоставностью предложения (подлежащее – сказуемое) легко связывается признак предикативности» [4, 70]. Однако в речи это соответствие постоянно нарушается: коммуникативная единица не всегда имеет в основе бинарную предикативную синтаксическую структуру и, наоборот, формальная предикативная структура не всегда лежит в основе коммуникативной единицы, в связи с чем возникают понятия односоставного и сложного предложения.

Проблема односоставности предложения решается представителями младограмматического направления в европейской арабистике путем перенесения на анализ структуры односоставного предложения грамматических категорий двусоставного предложения. Односоставные предложения рассматриваются как «неполные», поскольку «они содержат не все элементы, требуемые грамматическим строем предложения или смыслом наличествующих в нем элементов» [25, 305]. Таким образом, слово или словосочетание, функционирующее как самостоятельное сообщение, рассматривается как компонент грамматической структуры, не получающей полного языкового выражения.

В соответствии с данной методической установкой описание односоставных предложений преследует целью обосновать функционирование в качестве предложений определенных форм слова. Односоставные предложения рассматриваются как результат эллипсиса, «область которого велика и трудно поддается ограничению» [27, 306], вследствие чего эти предложения могут быть представлены самыми разными формами слов. Отмечается, что чаще всего такие односоставные предложения реализуются в диалогической речи. Выделяются также бессубъектные предложения и предложения-междометия.

Описание односоставного предложения с опорой на морфологическую форму слова и рассмотрение ее в качестве члена двусоставного предложения обосновывается тем, что односоставное предложение, как и двусоставное, служит для выражения суждения, имеющего бинарную структуру, однако в односоставном предложении в зависимости от условий, в которых протекает акт коммуникации, возможно опущение той части предложения, в которой получает выражение психологическое подлежащее.

Тем не менее, правомерность такого подхода к описанию односоставного предложения вызывает серьезные возражения. Ряд исследователей считает, что элемент, конституирующий односоставное предложение, не нуждается ни в каком дополняющем элементе и сам по себе достаточен, чтобы быть воспринятым в качестве сообщения [19, 5; 5, 462]. Более того, есть мнение, что «всякое пополнение структурной схемы односоставных предложений редуцированными членами есть прямое нарушение синтаксических норм языка» [19, 21]. Примером таких моделей могут служить имена действия или состояния в винительном падеже: ШУКРАН «Благодарю» (букв. – Благодарение), САБРАН «Терпение» [9, 13]. Следует, однако заметить, что в ТАГ подобные предложения рассматриваются как дополнения опущенного (подразумеваемого) глагола: «Выражаю благодарение», «прошу терпения» и т.п.

Проблема несоответствия структуры и функции

возникает и при описании сложного предложения, поскольку входящие в его состав придаточные предложения, имеющие формальную предикативную структуру, не являются самостоятельными сообщениями. Таким образом, для объяснения закономерностей порождения сложного предложения необходимо раскрыть причины функционирования предикативных структур не только в качестве коммуникативных единиц, но также в качестве компонентов коммуникативных единиц, или единиц номинации. Однако в арабистике эта задача не ставилась, и описание сложного предложения направлено в первую очередь на изучение синтаксических средств включения придаточного предложения в состав сложного.

Анализ ситуации, сложившейся в арабском синтаксисе, позволяет сделать вывод, что неоднозначность употребления термина *jumla*, возникшая в процессе развития ТАГ, а также известная противоречивость понятия предложения, которую мы наблюдаем в европейской арабистике, отражают объективную языковую реальность. Ее суть состоит в том, что одни и те же грамматические структуры способны выполнять противоположные функции – выступать как синтаксически самостоятельные коммуникативные единицы и как компоненты этих единиц, т.е. как единицы номинации. Отсутствие полного соответствия между внутренней структурой синтаксических единиц и их функционированием не получило, однако, непротиворечивого описания в теории арабского синтаксиса, вследствие чего теория арабского предложения имеет незавершенный характер. Преодоление этой незавершенности через устранение противоречивости описания составляет предмет данной статьи.

Неоднозначное понимание предложения и связанной с ним категории предикативности имеет место не только в арабском языкознании. Так, в русистике термин предложение может обозначать коммуникативную единицу независимо от ее внутренней структуры. Соответственно и такой признак предложения как предикативность также не связывается с какой-либо определенной грамматической структурой. В частности, В.В. Виноградов писал, что «...категории, которые выражают отношение сообщения к действительности и подводятся под общее понятие «предикативности»; эти категории могут быть свойственны предложению в целом – независимо от наличия в его составе глагола [4, 266]. Вполне естественно, что при таком подходе в статусе предложения отказывается придаточным предложениям, которые, как известно, не являются самостоятельными коммуникативными единицами. Именно так следует понимать положение В.В. Виноградова о том, что «хотя части сложного предложения по внешнему строению однородны с простыми предложениями, но в составе целого они не имеют смысловой и интонационной законченности» [3, 285]. Аналогичное мнение высказывает и Н.С. Поспелов: «Обычное определе-

ние предложения нельзя прилагать к «придаточному» предложению, которое не выражает в процессе коммуникации определенной законченной мысли» [12, 322].

Существует и иное понимание предложения, сформулированное С. Карцевским, согласно которому предложение – это определенная грамматическая структура, характеризующаяся наличием предиката [10, 323]. В соответствии с этой методологической установкой основные категории, формирующие предложение, также имеют синтактико-структурное содержание. Так, А.М. Пешковский [12, 165] и М.И. Стеблин-Каменский [17, 133] основным свойством предложения считают сказуемость, которую можно рассматривать в качестве аналога категории предикативности в том смысле, что и та, и другая категории должны считаться основным свойством исследуемых единиц. Поскольку понятие предложения при таком подходе затрагивает исключительно структурную характеристику речевых произведений, для обозначения коммуникативных единиц вводится понятие высказывания.

Предложение как грамматическая структура и предложение как коммуникативная единица (высказывание) занимают различное положение с точки зрения дихотомии языка и речи. Когда под предложением понимается коммуникативная единица, его относят к единицам речи, во втором случае – к единицам языка. Н.Д. Арутюнова отмечает в этой связи, что «предложением называют то некоторую модель, конструкцию, схему, «формулу», включающую «предикативный знак» в его виртуальном значении и относящуюся к синтаксической системе языка» [10, 326]. В.М. Солнцев [15, 179], В.А. Звегинцев [7, 166] указывают в этой связи на двойственную природу предложения и его противоречивость в этом плане.

Таким образом, в синтаксической теории сложилась ситуация, которую И.Ф. Вардуль характеризует как «расщепление понятия предложения» [2, 216], вызванное тем обстоятельством, что это понятие конституируется двумя гетерогенными признаками – функциональным и структурным – и не в состоянии отразить в полной мере встречающееся в языковой действительности соотношение между внутренней структурой синтаксических единиц и выполняемыми ими функциями.

Вместе с тем, не подлежит сомнению и то, что функциональная разнонаправленность предикативных и не-предикативных единиц (т.е. их способность выполнять противоположные функции) следует рассматривать как явление закономерное, имеющее системную природу, поскольку как слова, так и предложения в своих противоположных функциях «задействованы» в процессе коммуникации: говорящим при кодировании сообщения, а слушающим – при его декодировании. Касаясь вопроса о том, каким образом эти противоположные функции – но-

минативная и коммуникативная – включаются в основную структуризацию системы языка, Я. Кухарж пишет следующее: «Функции наименования и высказывания представляют в системе языка как бы два полюса, которые притягивают к себе единицы разных уровней» [8, 274].

Возможность представить функциональную разнонаправленность синтаксических единиц как системное явление и тем самым преодолеть незавершенность существующей синтаксической теории получает обоснование в ряде философских и общенаучных методологических концепций. В ходе развития общей теории систем определение понятия системы изменяется в сторону большего акцентирования роли среды, в которой функционирует объект. Например, В.Н. Садовский и Э.Г. Юдин при выделении инварианта понятия системы указывают не только на взаимосвязанность элементов системы, но также и на то, что система образует особое единство со средой [14, 12]. С.Н. Смирнов отмечает, что «любой объект выступает в познании как система лишь в том случае, если исследователь рассматривает его не просто как множество взаимосвязанных, интегрированных структурой элементов – строение, но как такое строение, которое осуществляет преобразование причинных воздействий из окружающей среды и изнутри системы [16, 67].

Имеются основания полагать, что применение этого положения общей теории систем к описанию арабского синтаксиса может способствовать устранению незавершенности его теории. Тот факт, что порождение коммуникативных единиц связывается в арабистике исключительно с наличием формального предикативного ядра, а функционирование предикативной структуры как единиц номинации не получает теоретического обоснования, проистекает из аналитического подхода к описанию структуры языка, т.е. когда абсолютизируется роль внутренней структуры объекта, но не учитывается воздействие на него внешней среды, вследствие чего функциональная разнонаправленность синтаксических единиц не раскрывается как системное явление.

Тем не менее, достаточно очевиден тот факт, что внутренняя структура синтаксических единиц предопределяет для каждой из них наиболее типичную функцию. Несомненно, что предикативная конструкция занимает особое место среди прочих синтаксических единиц. Как отмечает, В.Г. Адмони она играет настолько значительную роль, что «у воспринимающего возникает различное восприятие этих форм и их сочетаний, даже когда они даны в максимальном удалении от каких-нибудь воздействий ситуации и контекста, с точки зрения их структурной завершенности» [1, 280].

Структурная законченность, или самодостаточность предикативной конструкции дает основание считать

ее исходной формой коммуникативных единиц; в свою очередь слова и словосочетания должны рассматриваться в качестве исходной формы некоммуникативных (номинативных) единиц. Подобное утверждение в целом правомерно, однако в нем не получает отражения тот факт, что синтаксические единицы имеют также определенные внешнеструктурные характеристики. К их числу относится, в частности, включенность или невключенность синтаксической единицы в состав более широкой структуры. В качестве внешних факторов, определяющих функциональный статус речевого произведения, выступают явления разных уровней. Например, А.М. Пешковский относил к числу таких факторов ритм и интонацию, поскольку они способны превратить в предложение любой отрезок речи [12, 20]. Если рассматривать в качестве такого фактора синтаксическое окружение, то мы увидим, что предикативная конструкция становится коммуникативной единицей только при условии грамматической самостоятельности, или невключенности в состав другого синтаксического построения. В свою очередь слова и словосочетания становятся номинативными единицами, если занимают синтаксически зависимую позицию. И наоборот: зависимая позиция предикативной конструкции обуславливает ее функционирование как единицы номинации, а самостоятельная позиция слов и словосочетаний – их функционирование как единиц коммуникации.

Отсюда следует, что для каждого типа синтаксических единиц можно установить первичные и вторичные функции. Для предикативных структур первичным следует признать функционирование в качестве коммуникативных единиц и вторичным – в качестве номинативных. Для непредикативных единиц первичным является функционирование в качестве номинативных единиц и вторичным – в качестве коммуникативных единиц.

Проблема первичных и вторичных функций единиц языка положительно решается в рамках концепции центра и периферии в системе организации языковых элементов. Ф. Данеш формулирует основные положения этой концепции исходя из того, что «классы элементов, а также их подклассы следует воспринимать не в виде ящиков с четко обозначенными границами, а как конкретные формации, обладающие компактным ядром и способным обеспечить постепенный переход в нечеткую периферию, которая, в свою очередь, проникает в периферийную область другой категории» [23, 11].

Очевидным является тот факт, что трансформация формации в периферийную сферу другой категории является совпадением функции различных языковых единиц при неизменности их «анатомического строения». При этом естественно, что периферия функциональных свойств синтаксической единицы не обязательно пересекается именно с периферией функциональных

свойств другой единицы, ибо при определенных условиях, как, например, ограниченном наборе функций периферия функциональных свойств одной единицы может совпадать с центром функциональных свойств другой.

Системный подход в изложенном выше понимании создает методологическую основу для построения такого описания арабского синтаксиса, которое исключало бы парадоксы, связанные с функциональной разнонаправленностью синтаксических единиц. Синтаксические единицы независимо от своей внутренней структуры должны приниматься как виртуальные, подвергающиеся в процессе их актуализации в речи воздействию внешней среды. Вместе с тем, на основании их внутренней структуры, для них устанавливаются первичные и вторичные функции: для предикативных конструкций первичной принимается функция сообщения, для словоформ и словосочетаний – функция номинации, иными словами, предикативные конструкции, с одной стороны, и словоформы, и словосочетания – с другой, рассматри-

ваются как два функциональных класса.

Первичная функция каждого из функциональных классов получает адекватное отражение в существующей теории, однако их вторичное функционирование представляется как парадокс, противоречащий ее исходным положениям. Вместе с тем, эта теория имеет под собой солидное обоснование, заключающееся в том, что выделенные функциональные классы имеют различия в грамматических значениях, получающих морфологическое выражение. Поэтому возникшие противоречия в теории предлагается устранить не путем полного отказа от нее, но внесением в нее дополнительного описания, устраняющего эти противоречия через преодоление ее односторонности, заключающейся в абсолютизации внутривидового аспекта анализа. Иначе говоря, существующая теория арабского синтаксиса должна быть дополнена таким описанием, в котором вторичные функции синтаксических единиц получили бы освещение как системные явления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони, В.Г. Типология предложения. Исследования по общей теории грамматики. М. 1968.
2. Вардуг, И.Ф. Основы описательной лингвистики. М. 1977.
3. Виноградов, В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М. 1972.
4. Грамматика русского языка. Т. 2. Синтаксис. М. 1954.
5. Гранде, Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М. 1963.
6. Данеш, Фр., Гаузенблас, К. Проблематика уровней с точки зрения структуры высказывания и системы языковых средств. Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М. 1969.
7. Звегинцев, В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. М. 1974.
8. Кухарж, Я. О функциональном использовании структурных единиц языка. Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М. 1969.
9. Мамедов, А.А. О простом предложении в современном арабском литературном языке. АКД. М. 1953.
10. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М. 1972.
11. Пауль, Г. Принципы истории языка. М. 1960.
12. Пешковский, А.М. Избранные труды. М. 1959.
13. Поспелов, Н.С. О грамматической природе сложного предложения. Вопросы синтаксиса современного русского языка. М. 1960.
14. Садовский, В.Н., Юдин, Э.Г. Задачи, методы и приложения общей теории систем. Исследования по общей теории систем. М. 1969.
15. Солнцев, В.М. Язык как системно-структурное образование. М. 1977.
16. Смирнов, С.Н. Элементы философского содержания понятия «система» как ступени развития познания и общественной практики. Системный анализ и научное знание. М. 1978.
17. Стеблин-Каменский, М.И. О предикативности. Вестник Ленинградского университета. 1956, N 20.
18. Фролов, Д.В. К вопросу о понятии предложения в арабской грамматике. Арабская филология. Грамматика, стихосложение, корановедение. М., 2006. СС. 17-33.
19. Юсупов, И.М. Основные структурные схемы простого предложения в современном арабском литературном языке. АКД. М. 1977.
20. Brockelmann, C. Arabische Grammatik. Paradigmen, Literatur, Uebungsstuecke und Glossar. Leipzig. 1953.
21. Cantarino, V. Syntax of Modern Arabic Prose. London. 1974.
22. Caspari, K. A Grammar of the Arabic Language. Cambridge. 1955.
23. Daneš, F. The Relation of Centre and Periphery as a Language Universal. Travaux Linguistiques du Prague, V. 2. Prague, 1966.
24. Ewald, H. Grammatica Critica Linguae Arabicae. Lipsiae. 1831.
25. Gabelenz, G. Die Sprachwissenschaft, ihre Aufgaben, Methoden und Bisherigen Ergebnisse, Leipzig. 1901.
26. Palmer, F.R. The Arabic Manual Comprising a Condensed Grammar of Both Classical and Modern Arabic. London. 1885.
27. Reckendorf, H. Die syntaktischen Verhältnisse des Arabischen. Leiden, 1885.
28. Sacy, S. Grammaire Arabe. Paris, 1831.
29. Wright, W. A Grammar of the Arabic Language. Cambridge, 1982.
30. Al-Mubarrad. Al-Muqtabad. (6. даты)

31. Al-Zajjāji. Al-Jumal (б. даты).
32. Al-Zamaḥṣary. Kitāb al-Mufaṣṣsal fī 'ilm al-'arabiyya. Miṣr (Каир), 1910.
33. Ibn Hišām. Muḡhny al-Labīb 'an Kutub al-A'ārib. Каир (б. даты).
34. Ibn Ya'īš. Šarḥ al-Mufaṣṣsal. Бейрут, (б. даты).
35. Ḥasan 'Abbās. An-Naḥw al-Wāfiy. Каир, 1966.
36. Sibawayhi. Al-Kitāb. – Бейрут, 1961.

© Пак Виктор Михайлович (194501012003@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова